

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМИ В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДА И ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.

Колошинская Н.В.

Аннотация: В советской уголовно-правовой доктрине 1940-х гг. хищение государственного и общественного имущества рассматривалось как посягательство на экономическую основу государства. В условиях постоянного дефицита товаров первой необходимости хищения государственного и общественного имущества квалифицировались как опасные, причиняющие значительный ущерб преступления. По действующему законодательству на органы дознания, прокуратуры и суда возлагались задачи по осуществлению принципа неотвратимости наказания, полноты и объективности в разрешении всех дел о кражах, присвоениях или растратах где бы они не происходили. Для достижения цели и решения задач, стоящих перед исследованием были применены общенаучные и научно-научные методы: анализ, синтез, структурно-логический метод, статистический и иные методы научного познания. Как показал анализ архивных материалов, во многих лагподразделениях Ленинградского УПВИ длительность пребывания руководителя «на хлебном месте» полностью зависела от положения его покровителей в вышестоящих структурах. Так, начальник лаготделения №21 УЛВП №339 МВД СССР М.Павлов за систематическое злоупотребление своим служебным положением в корыстных целях приказом начальника УМВД СССР по ЛО №628 от 1 ноября 1946 г. был уволен из органов МВД вовсе, а следственные материалы на него были сданы в Отдел кадров УМВД для приобщения к личному делу.

Ключевые слова: Хищение, имущество, посягательство, государство, дефицит, товар, квалификация, преступление, злоупотребление, порядок.

В советской уголовно-правовой доктрине 1940-х гг. хищение государственного и общественного имущества рассматривалось как посягательство на экономическую основу государства. В условиях постоянного дефицита товаров первой необходимости хищения государственного и общественного имущества квалифицировались как опасные, причиняющие значительный ущерб

преступления. По действующему законодательству на органы дознания, прокуратуры и суда возлагались задачи по осуществлению принципа неотвратимости наказания, полноты и объективности в разрешении всех дел о кражах, присвоениях или растратах где бы они не происходили.

Злоупотребления же разного рода расценивались в это время не только как деяния,

направленные против или вопреки интересов государственной службы и установленного порядка. В случае с государственным и общественным имуществом, злоупотребление служебным положением квалифицировалось как незаконное безвозмездное обращение должностным лицом, использующим свое служебное положение, этого имущества в личную собственность или собственность других лиц, переданного с корыстной целью. Таким образом, в повседневной практике наблюдался некий дуализм в подходе к квалификации злоупотреблений вообще, что создавало предпосылки для «увода» части должностных лиц от административной и уголовной ответственности за совершенные преступления.

Между тем, хищения и злоупотребления личного состава (администрация, персонал, охрана и др.-авт.) лагерей и лагерных отделений для военнопленных во всей системе ГУПВИ НКВД-МВД СССР во II пол. 40-х гг. приобрели такой размах, что вынудили центральное руководство НКВД-МВД СССР (не считая ГУПВИ-УПВИ-авт.) только в 1944-1947 гг. подготовить и направить на места около десятка приказов, директив, циркуляров, указаний и других нормативных актов по организации мер борьбы с этими деликтами[1].

Для изучения причин, способствующих совершению указанных правонарушений руководство НКВД-МВД СССР неоднократно командировало в эти годы в территориальные управления сотрудников различных служб и подразделений, одновременно требуя от них личного участия в оказании практической помощи на местах. Так, весной 1947 г. несколько рабочих групп из Оперативного управления ГУПВИ и ГУВС МВД СССР с этой целью проинспектировали Ленинградскую, Тульскую, Курскую, Псковскую и ряд других областей РСФСР[2].

По информации начальника ГУПВИ МВД СССР Т.Ф.Филиппова, командированные работники на месте изучали состояние агентурно-следственной работы по личному составу в лагерных подразделениях; прохождение следственных дел по хищениям в прокуратуре и судах;

организацию учета и хранения продовольствия и других материальных ценностей в лагерях для военнопленных; устанавливали основные причины хищений и злоупотреблений, оценивали эффективность принимаемых мер по их устранению, и др.

Анализ архивных материалов и литературных источников по исследуемой проблеме свидетельствует, что многие из названных причин укоренились главным образом в практике личного состава лагерей для военнопленных УПВИ УМВД СССР по Ленинградской области, особенно в 1946-1947 гг., в период когда регион, как и страна в целом испытывали колоссальную нехватку продовольствия, одежды, обуви, товаров домашнего обихода и др.

Именно в эти годы в Ленинградском УПВИ УМВД не оказалось ни одного лагерного отделения (на 1.01.1946 г. их насчитывалось 80 с численностью 58 238 военнопленных и 3 718 чел. штатных сотрудников-авт.), в котором не были бы отмечены факты хищений или злоупотреблений со стороны личного состава.

Высокий уровень хищений был и в «гражданском секторе». Так, за 1946 г. только Отдел БХСС УМ Ленинграда и Отделение БХСС РО МВД по Ленинградской области (без Отдела уголовного розыска и других служб-авт.) возбуждали около 1,5 тыс. уголовных дел по фактам хищений и злоупотреблений. В 1947 г. только за апрель месяц в Ленинграде было зарегистрировано около 300 эпизодов хищения или растрат государственной и общественной собственности[3]. Рост аналогичных хищений наблюдался и в других регионах РСФСР о чем постоянно информировались руководители государства.

Не случайно уже в апреле 1946 г. руководители министерств юстиции и внутренних дел, а также прокуратуры и Верховного суда СССР подготовили на имя И.В.Сталина проект указа, в котором заметно увеличивались санкции в том числе и за хищения государственной собственности[4]. Первый (майский-авт.) проект будущего Указа ПВС СССР от 4 июня 1947 г., выпущенный им лично, был повторно доработан,

как предполагает П.Соломон самим Сталиным видимо в день издания и повышающий минимальное наказание за этот вид хищения с 5 до 7 лет при максимуме в 10 и даже более лет, если хищение было осуществлено организованной группой лиц[5].

С момента создания по приказу НКВД СССР от 26 сентября 1945 г. в аппарате УНКВД СССР по Ленинградской области Отдела по делам военнопленных и интернированных и до отправки 25 декабря 1949 г[6]. последнего эшелона с репатрируемыми военнопленными из Ленинградской области вопросы борьбы с хищениями и злоупотреблениями личного состава всегда оставались одними из проблемных и острых в деятельности УПВИ УМВД СССР по ЛО.

Среди основных причин, способствующих хищениям и злоупотреблениям в лагерях и лагерных отделениях УПВИ УМВД ЛО во II пол. 1940-х гг. можно назвать следующие:

- недостаточное качественное комплектование личным составом аппаратов, имеющих отношение к материальным ценностям;

- запущенность всей системы учета материальных ценностей, недостаточность документальных ревизий, отсутствие надлежащего надзора со стороны руководства лагерных подразделений и контролирующих органов;

- неудовлетворительная работа оперативных служб лагерей и лаготделений, а также УПВИ УМВД СССР по ЛО по борьбе с хищениями и злоупотреблениями личного состава;

- отсутствие подлинной борьбы с хищениями и злоупотреблениями со стороны руководства лагерей, политического аппарата и партийных организаций; порочная практика круговой поруки и «увода» лиц, совершивших преступления от уголовной ответственности;

- преступно-халатное отношение к охране продовольственных и вещевых складов, мест хранения готовой продукции и т.п.

О том, что личный состав лагерей и лагерных отделений УПВИ УНКВД-УМВД СССР по ЛО, связанный с материальными ценностями, засорен преступным элементом, который,

пользуясь отсутствием надлежащего контроля, занимается расхищением продовольствия, имущества, топлива, изготовляемой военнопленными продукции, хорошо знало как местное, так и центральное руководство. Об этом подробно говорилось, например, в директивах МВД СССР от 3 и 15 мая 1946 г. «Об искоренении хищений и недостатках материальных ценностей в лагерях МВД для военнопленных и интернированных» и «Об усилении работы оперативных отделов лагерей МВД для военнопленных по борьбе с растратами и хищениями и ликвидации преступности среди личного состава лагерей».

Однако, как замечал в конце марта 1947 г. начальник ГУПВИ МВД СССР Т.Ф.Филиппов, «неоднократные указания МВД СССР о замене всех лиц, не внушающих доверия, честными людьми руководством лагерей и УМВД не выполняются». Скорее всего это происходило по-разному причинам и по разному оценивалось на местах.

Так, в лагерном отделении №7 УПВИ УМВД СССР по ЛО начальник продфуражного снабжения Д.Игнатъев совместно с другими сотрудниками до конца 1946 г. постоянно похищал продукты в больших объемах в целях личного обогащения. В начале 1947 г. выяснилось, что «снабженец» оказывается имел 6 судимостей и неоднократно задерживался органами ленинградской милиции[7]. Совсем другие мотивы двигали начальником продфуражного снабжения этого же отделения М.Трофимовым (назначенным после Д.Игнатъева-авт.), боевым офицером, потерявшим на фронте зрение (ранен в левый глаз-авт.), воспитывающим 4-х малолетних детей и похитившим от острой нужды осенью 1947 г. 200 кг. свеклы с огородного участка лагерного отделения¹³. В одном из писем сыну старшему вахтеру лаготделения № 29 И.Переверзеву 19 мая 1947 г. мать писала (орфография сохранена-авт.) о голоде в деревне «... не знаю переживем ли этот голод али нет скоко сенок вая людей померло я незнаю просто жутко и смотрет»[8]. В таких перлюстрированных и часто недошедших до адресата писем

содержались просьбы достать немного муки, крупы, соли, мыла и др. В этих условиях многие назначенные на материально ответственные должности (снабженцы, кладовщики, зав.складами и др.) буквально с первых дней попадали под воздействие людей, остро нуждающихся в продуктах, одежде и других вещах.

О запущенности учетов и отчетности товарно-материальных ценностей, а также финансовых операций в лагерях для военнопленных, в том числе на территории Ленинграда и области руководство УПВИ УМВД СССР по ЛО и ГУПВИ МВД СССР было информировано не только оперативными подразделениями, но и из материалов различных проверок, в

том числе и финансовых органов МВД-УМВД. К примеру, в приказе МВД СССР № 00326 от 24 марта 1947 г. упоминалось лаготделение № 24 Ленинградского УПВИ, где в течении 1946 г. за счет недодачи на кухню военнопленных положенной им нормы было похищено 72 кг. жиров, около 60 кг. растительного масла, 90 кг. мяса, 46 кг. рыбы, 53 кг. сахара, 95 кг. крупы, 140 кг. муки и 405 кг. Хлеба. Все это приводило к истощению военнопленных и их смертности. По подсчетам В.А.Иванова и М.В.Ходякова только в 1947 г. в лагерях Ленинградского УПВИ умерли 796 военнопленных[9].

Не редкими были и злоупотребления служебным положением и как следствие хищения или присвоения материальных ценностей, денег, продуктов и имущества со стороны личного состава. Так, инструктор антифашистской работы лаготделения №5 УЛВП №213 МВД СССР И.Лангуев получив в начале ноября 1947 г. денежное премиальное вознаграждение от хозоргана СМУ «Свирьстрой» в сумме 5,5 тыс. рублей для выдачи его военнопленным присвоил себе 225 руб., совершив подлог. Начальник финчасти этого же лаготделения В.Гуляев в начале 1948 г. путем подложных расписок присвоил себе более 14 тыс.руб.

Факты хищений и злоупотреблений в системе Ленинградского УПВИ длительное время оставались нераскрытыми вследствие

неудовлетворительной работы оперативных подразделений, плохой организации агентурной работы. Весной 1947 г. вся система ГУПВИ МВД СССР знала о беспрецедентном факте провала оперативной работы в УПВИ УМВД СССР по ЛО, когда Оперативный отдел управления, располагая полной информацией о противоправной деятельности практически всего руководства лаготделения №46 во главе с начальником, не предпринимал никаких мер по её прекращению, чем нанес огромный материальный ущерб.

Характерен в этом плане и другой провал в оперативной работе в системе УПВИ УМВД СССР по ЛО. В феврале 1948 г. на должность заведующего складом лаготделения №6 УЛВП №393 МВД СССР был принят без всякой проверки некто А.Исупов, который как выяснилось позже не только имел судимость в 1939 г. (5 лет лишения свободы за хищение государственной собственности-авт.), но будучи кладовщиком в г.Краснокамске Молотовской области похитил за один месяц 1946 г. товаров почти на 50 тыс. руб. Был арестован, но сбежал. Оперативная информация о нем полностью содержалась в УМВД СССР по Ленинградской области, но ею никто не интересовался.

В результате попустительства со стороны оперативных служб и руководства лагерей для военнопленных к расхитителям, отсутствия настоящей борьбы с злоупотреблениями со стороны личного состава часть преступников «в погонах» избегала уголовной и даже административной ответственности. И это при том, что в целом по этой категории правонарушителей в масштабах ГУПВИ только в 1946 г. были приняты различные меры: сняты с работы 10 начальников лагерей и 31 заместитель, 15.874 чел. уволены со службы, из них 1 288 чел. – в связи с преданием суду, 1.134 чел. – за злоупотребления по службе и др.

Но как показал анализ архивных материалов, во многих лагподразделениях Ленинградского УПВИ длительность пребывания руководителя «на хлебном месте» полностью зависела от положения его покровителей в вышестоящих струк-

турах. Так, начальник лаготделения №21 УЛВП №339 МВД СССР М.Павлов за систематическое злоупотребление своим служебным положением в корыстных целях приказом начальника УМВД СССР по ЛО №628 от 1 ноября 1946 г. был уволен из органов МВД вообще, а следственные материалы на него были сданы в Отдел кадров УМВД для приобщения к личному делу[10].

Это решение утвердил заместитель начальника УПВИ УМВД СССР по ЛО по оперативной работе В.Цируль, который в 1949 г. в свою очередь сам был обвинен в покровительственных связях с М.Павловым и другими, уволенными из органов МВД сотрудниками. Было установлено, что М.Павлов неоднократно выполнял «индивидуальные поручения» В.Цируля (пошив обуви, изготовление гарнитуров, ремонт квартир и т.п.-авт.) не только для него, но и для других руководителей Управления. И хотя по совокупности содеянного бывший начальник лаготделения должен был быть привлечен к уголовной ответственности, В.Цируль вывел его из под удара.

Не менее показательна была и другая история с еще одним М.Павловым – заместителем начальника УПВИ УМВД СССР по ЛО по снабжению, который на протяжении 1947-1948 гг. имел в

своем личном распоряжении 116 немецких военнопленных, которыми «распоряжался» так, как считал нужным. Как установила комиссия УМВД СССР по ЛО, проводящая служебную проверку М.Павлов за счет этой рабочей силы снимал многочисленные подряды на предприятиях, а за это получал с них нормированный, остродефицитный стройматериал для постройки и капитального ремонта отдельных зданий, домов и квартир, часть которых предназначалась и принадлежала руководителям городского, областного, республиканского и даже союзного уровня. В декабре 1949 г. М.Павлов спешно был уволен из органов МВД, а материалы проверки были отправлены в ОК УМВД СССР по ЛО в его личное дело. Безмолвствовали и прокурорские работники.

Эти и другие причины, способствующие росту хищений, растрат и злоупотреблений со стороны личного состава лагерей для военнопленных изживались на местах крайне медленно, так как для полного их устранения не была выработана комплексная система мер разрывающая порочный круг ведомственной корпоративности и забвения принципа неотвратимости наказания для лиц, покушающихся на государственную и общественную собственность.

Библиография:

1. Царевская Т.В., М.М.Загорулько, С.Г.Сидоров, Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы. М.: Логос, 2000.-С.363-367,
2. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. Ф.28. Оп.1. Д.7. Лл.2,3.
3. ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.36. Д.214. Л.31.
4. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ.-М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – С.395-397.
5. Голякова И.Т.-М Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / Под ред: Государственное издательство юридической литературы, 1953. – С.430-431.
6. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. Ф.28. Оп.1. Д.7. Л.2.
7. Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы ... С.424.
8. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. Фонд личных дел (ФЛД). Личное дело Трофимова М.М.
9. Иванов В.А., Ходяков М.В. Медико-санитарное обслуживание военнопленных на территории Ленинграда и области в 1944-1949 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. №11. – С.41.
10. Павлова М.А. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. ФЛД. Личное дело №101350 Л.165.

References (transliterated):

1. Tsarevskaya T.V., M.M.Zagorul'ko, S.G.Sidorov, Voennoplennye v SSSR. 1939-1956. Dokumenty i materialy. M.: Logos, 2000.-S.363-367,
2. OSF ITs GUVVD SPb i oblasti. F.28. Op.1. D.7. Ll.2,3.
3. TsGA SPb. F.7384. Op.36. D.214. L.31.
4. Solomon P. Sovetskaya yustitsiya pri Staline / Per. s angl.-M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 1998.-S.395-397.
5. Golyakova I.T.-M Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR 1917-1952 gg. / Pod red: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1953.-S.430-431.
6. OSF ITs GUVVD SPb i oblasti. F.28. Op.1. D.7. L.2.
7. Voennoplennye v SSSR. 1939-1956. Dokumenty i materialy ... S.424.
8. OSF ITs GUVVD SPb i oblasti. Fond lichnykh del (FLD). Lichnoe delo Trofimova M.M.
9. Ivanov V.A., Khodyakov M.V. Mediko-sanitarnoe obsluzhivanie voennoplennykh na territorii Leningrada i oblasti v 1944-1949 gg. // Voенно-istoricheskii zhurnal. 2011. №11.-S.41.
10. Pavlova M.A. OSF ITs GUVVD SPb i oblasti. FLD. Lichnoe delo №101350 L.165.